

Человек и его память в цифровизирующемся мире

Е. О. Труфанова

Институт философии РАН, Москва, Россия

Показывается, что главной специфической способностью человека, отличающей его от прочих живых существ, является особое устройство человеческой памяти: высокоразвитая биологическая память человека за счет общественной природы человека способна распределяться между всеми членами сообщества. Демонстрируется ключевая роль индивидуальной памяти в качестве основы личностной идентичности человека и коллективной памяти как «социокода» (в терминологии В. С. Степина), сохраняющего и транслирующего от одного поколения к другому важнейшие культурные достижения, ценности, аккумулированные знания своей социальной группы и человечества в целом. Анализируются представления о «расширении» биологической памяти человека с помощью внешних средств — от письменности до современных цифровых устройств. Делается вывод, что цифровизация памяти создает ряд психологических и социокультурных вызовов. Показывается, что проблемы с цифровой памятью возникают тогда, когда из системы памяти устраняется сам человек как живое, чувствующее и думающее существо.

Ключевые слова: *индивидуальная память, личностная идентичность, коллективная память, цифровая память, расширенная память.*

В разные исторические эпохи философы выделяли разные специфические черты, которые отличают человека от других живых существ. Большинство философов, еще начиная с античности, говорили о Разуме, о том, что человек является «общественным животным», в эпоху Возрождения воспевается творческая сущность человека, и т. д. Это не противоречащие друг другу характеристики, а разные грани одного целого — в конечном смысле, искомое отличие человека заключается в том, что он с помощью разума во взаимодействии с другими людьми творчески преобразует мир вокруг себя, создавая культурную среду.

Начиная со второй половины XVIII в. термин «культура» становится центральным для обсуждения жизни человеческих сообществ. Возникает множество различных определений культуры, акцентирующих разные ее составляющие, но мне кажется важным обратить внимание на одно из них, данное В. С. Степиным, который предлагает рассматривать культуру как «систему информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт, который выступает по отношению к различным видам деятельности, поведения и общения (а значит, и всем порождаемым ими структурам и состояниям социальной жизни) как их надбиологические программы» [5, с. 342]. Степин отмечает, что в сложных биологических системах подобные информационные коды, обеспечивающие управление системой и ее саморегуляцию, зафиксированы в молекулах РНК и ДНК, а в обществе как «социальном организме»

эту функцию выполняет культура. Так, заключает Степин, «наряду с биологическим, генетическим кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система — социокод, посредством которого передается от человека к человеку, от поколения к поколению развивающийся массив социального опыта» [5, с. 342—343]. Схожую аналогию проводит эволюционный биолог Р. Докинз, предлагая говорить о специфических «единицах» культуры — «мемах», полагая, что, подобно генам в биологическом организме, мемы в культуре реплицируются, копируя сами себя, участвуют в борьбе за выживание и подвергаются естественному отбору [2]. Существование подобных социокодов или мемов возможно благодаря высокоразвитой биологической памяти человека, которая за счет общественной природы человека способна распределяться между всеми членами сообщества.

Итак, культура существует благодаря памяти. Информационные коды, которые несут ДНК и РНК, сохраняют и передают информацию о генетической истории человека, тогда как культурные коды фиксируют историю развития человеческой культуры и социальных отношений. При этом значение памяти для культуры существенно на двух уровнях — как индивидуальном, так и коллективном. Культура не может существовать без существования личностей, входящих в эту культуру, развивающихся в ней и развивающих в свою очередь культуру далее. Это двусторонний

процесс — человек, рождаясь на свет, становится человеком в полном смысле слова, только усваивая культуру своего сообщества (а затем и других сообществ), но и культура не может развиваться без творческой деятельности как отдельных людей, так и их совместной деятельности.

Активное внедрение современных информационно-цифровых технологий во все сферы общественной жизни, ставящее человека в ситуацию информационного перенасыщения [6], приводит к трансформациям памяти, которые могут иметь существенные последствия для развития человека.

Прежде чем обратиться к анализу этих трансформаций, необходимо показать, какую роль индивидуальная и коллективная память играют в развитии человеческой культуры.

Индивидуальная память как основа личностной идентичности

Память является одной из важнейших составляющих когнитивной системы высших животных, реализуемой как одно из свойств нервной системы организма. Это биологическая память, которая обеспечивается и поддерживается ресурсами нашего тела, в первую очередь — мозга. Психологи и нейрофизиологи выделяют различные виды памяти, среди которых нам наиболее интересно обратить внимание на семантическую (память, содержащая знания, выраженные вербально-символически) и эпизодическую память (память о событиях моего прошлого). Философы, рассуждая о личности, как правило, обращают внимание именно на эпизодическую память, однако, как справедливо отмечает современный австралийский исследователь памяти Р. Хеерсминк, автобиографическая память, которая является основой личности, включает не только события моей жизни, но и мои знания, содержащиеся в семантической памяти [12]. Более того, если разделять нарративный подход к построению личностной идентичности (как это делает Хеерсминк), само построение автобиографического нарратива требует вербальной обработки событий, содержащихся в эпизодической памяти для того, чтобы сделать их частью нарратива.

Итак, человек — это существо, которое помнит. То есть человек не просто действует в определенных обстоятельствах, исходя из текущей ситуации, но и опирается на свой опыт (невозможный без памяти), и главное — соотносит свое текущее действие со знанием о том, каким человеком он является (автобиографической памятью). Когда я должен совершить какой-то поступок, я оцениваю его не только с точки зрения того, какую пользу он в данный момент может принести мне

или другим людям, но и с точки зрения того, насколько этот поступок будет соотноситься с тем, какой личностью я являюсь — к примеру, рецидивист не задумывается о моральных подоплеках воровства, тогда как человек, никогда ранее не совершавший краж, будет в смятении и решиться на подобный поступок ему будет труднее. Память говорит мне о том, кто я есть, и, если это вступает в противоречие с тем, кем я могу стать (например — вором) — это как правило заставляет меня отказываться от определенных поступков с целью сохранения непротиворечивости моей личностной идентичности.

Память является одним из основных критериев в решении вопроса о тождественности (идентичности) личности самой себе: говоря кратко — я то, что я о себе помню. Если я помню себя в пять лет и в двадцать пять лет и связываю эти воспоминания с собой нынешним, то я тождествен сам себе, моя личностная идентичность целостна, и, следовательно, я-в-настоящем принимаю ответственность за действия меня-в-прошлом. Этот критерий был выдвинут еще Джоном Локком — одним из инициаторов обсуждения проблемы тождества личности (личностной идентичности) в работе «Опыт о человеческом разумении» (1689 г.) [4], и затем развит в рамках дискуссий о тождестве личности в аналитической философии в середине XX в., где его отстаивали С. Шумейкер [18; 19], Э. Куинтон [22], Дж. Перри [16], П. Грайс [11].

Критика критерия памяти относительно тождества личности была выдвинута еще в XVIII в. шотландским философом Томасом Рейдом. Он предлагает аргумент о солдате. Молодой новобранец помнит, как его, когда он был мальчишкой, высекли за кражу яблок. Таким образом, юноша и мальчик идентифицируются как одна личность. В пожилом возрасте, когда солдат становится генералом, он помнит себя молодым новобранцем, но уже не помнит себя мальчишкой, которого высекли из-за яблок. Таким образом, возникает парадокс, и генерал одновременно является тем мальчишкой, которого высекли (поскольку он идентифицируется с новобранцем, который помнит себя мальчишкой) и не является (поскольку сам он себя мальчишкой не помнит) [17]. Тем не менее этот аргумент достаточно спорный — он требует стопроцентной сохранности всех воспоминаний для того, чтобы мы могли говорить о тождестве личности — такая сохранность, разумеется, невозможна, более того — в каждый момент времени наше сознание непосредственно «подключено» только к ограниченному набору воспоминаний, и требуется возникновение

определенных стимулов для того, чтобы вызвать какие-то другие воспоминания: наше настоящее опирается на наше прошлое, но все же им не является: прошлое помогает нам ориентироваться в настоящем, но если прошлое начинает затмевать настоящее, то никакая дальнейшая деятельность оказывается невозможной. Потому важны не столько единичные воспоминания и постоянный доступ к ним, сколько целостность и непротиворечивость объединяющей их системы связей. Данная система связей может быть представлена как сеть с множеством узлов, в которой даже если часть из узлов оказывается «выключенной», сама сеть продолжает исправно функционировать. Помимо этого, необходимо понимать, что личность, а следовательно, и личностная идентичность, находятся в постоянном развитии, и тождественность личности самой себе не аналогична тождественности, к примеру, двух одинаковых листов бумаги из пачки — идентичность личности — это не стопроцентное совпадение того, что было, и того, что есть, но, скорее, наличие устойчивых ассоциаций, позволяющих проследить неразрывную связь прошлых состояний данной личности и текущего ее состояния.

Именно память играет главную роль в установлении и сохранении подобных ассоциативных связей. Как правило, такая связывающая идентичность память выражается не просто в форме атомарных образов-воспоминаний, «картин» или переживаний прошлого, но в форме нарратива — рассказывания истории, в которой события жизни непротиворечиво связаны друг с другом, последовательно вытекают одно из другого, и мы обладаем способностью каждое отдельное воспоминание встроить в этот единый нарратив, найти место для каждого кусочка пазла. В случае если подобное воспоминание вступает в слишком сильное противоречие с уже сложившимся нарративом или же если кто-то сообщает мне некий случай из моей биографии, которого я не помню, возникает ситуация внутреннего конфликта, которая ведет к кризису идентичности.

Альтернативным критерием относительно идентичности является критерий телесный, т. е. тождество личности обеспечивается тождеством тела индивида, т. е. наши ментальные состояния и события нашей жизни связываются воедино тем фактом, что они все происходят с одним и тем же телом. Однако относительно личности такой критерий не очень удачен — представим себе ситуацию, в которой индивид теряет память. Находясь в том же самом теле, что и ранее, он тем не менее лишается доступа к своим предшествующим знаниям — о самом себе, о значимых

для него близких, о разделяемых им ценностях и т. д., т. е. о всем смысловом содержании своей личности. Тем не менее ассоциация со своим телом, несомненно, играет важную роль — индивид связывает себя с тем, как он выглядит (и изменения во внешности, к примеру, в результате травмы весьма существенным образом влияют на самосознание индивида), на неизменности нашего телесного облика основываются и наши отношения с другими людьми [7]. Также тело предоставляет нам возможности действия с другими материальными объектами окружающего мира, и изменения, происходящие с телом (например — потеря конечности), приведут к изменению этих возможностей и, следовательно, будут способствовать изменениям нашей личности. Однако эти изменения будут не настолько радикальны, как если бы мы полностью утратили память, и далеко не всегда повлекут за собой полноценный кризис идентичности, поскольку мы все равно продолжаем идентифицироваться с самими собой, отмечая, что я остаюсь собой, только с изменившимся телом.

Память играет роль не только в осознании человеком себя как некой психологической целостности, в утверждении индивидом своей самоидентичности, но и крайне важна для социальных отношений, в которые вступает индивид. Осознавая себя как личность, обладающую определенной биографией, я соответствующим образом взаимодействую с другими людьми. И моя индивидуальная память «подключается» к коллективной памяти того человеческого сообщества, к которому я принадлежу, а также к совокупной коллективной памяти человечества, зафиксированной в культуре.

Коллективная память и культура

Биологическая память, находящаяся «в голове» индивида, позволяет сохранять его индивидуальный опыт и знания, однако человек, будучи социальным существом, нуждается для своего выживания в других людях. Он принадлежит к определенному сообществу, в котором опыт разных индивидов объединяется, создавая то, что Степин и называет «социокодом». С помощью этого «социокода», передаваемого из поколения в поколение через воспитание и образование, происходит сохранение важнейших культурных достижений, ценностей, аккумулированных знаний, так что человек, получая через взаимодействие с другими людьми, а также определенными артефактами и источниками информации доступ к этому социокоду, подключается уже к коллективной памяти сообщества или даже человечества в целом.

Понятие коллективной памяти широко используется уже несколько десятков лет, но в подавляющем большинстве исследований основной акцент делается лишь на одной из форм подобной памяти — исторической [9]. В подобных исследованиях приравниваются автобиографическая память индивида и «память» сообщества о своей истории. Однако мне представляется важным рассматривать коллективную память более широко — не только как память об определенных исторических событиях, влияющую на способы конструирования коллективных идентичностей народов, наций и т. п., а как совокупное знание и культурный опыт сообщества, содержащиеся в головах людей, в текстах, в артефактах, в воспроизводимых из поколения в поколение традициях. Если изначально культура формируется человеком для решения практических задач — создаются технические артефакты, помогающие человеку добывать пищу, разводить огонь и т. д., то со временем появляются такие символически опосредованные формы культуры, которые и фиксируют коллективную память. С появлением письменности эта память уже лежит не только в головах старшего поколения, которое передает ее младшему, но она становится доступной любому, в том числе и людям, живущим много столетий и даже тысячелетий спустя.

Через локальные коллективные памяти (памяти конкретных сообществ) индивид имеет выход на глобальную коллективную память — коллективную память всего человечества, несущую наследие всей человеческой культуры. Существование подобной коллективной памяти является залогом прогресса человеческой культуры, поскольку каждое новое поколение таким образом не начинает историю заново, а вбирает все предшествовавшие образцы и на их основе создает новые. Подобно тому, как гены содержат биологическую информацию о человеческом организме, коллективная память содержит информацию о том, что было создано людьми в их взаимодействии друг с другом и с миром.

Философы-экзистенциалисты обращают внимание на осознание временности человеческого бытия как фундаментальную черту человека — в отличие от других животных, человек живет не только в текущем моменте времени, но он помнит свое прошлое и прогнозирует свое будущее. Как пишет М. Хайдеггер, «человеческое бытие является в себе будущим и при этом возвращается назад к своему бывшему и вбирает его в будущее и собирает во всем этом постоянно будущее и прошлое в настоящем» [8, с. 322]. У нас нет возможности проникновения в субъективный мир

животных, и мы можем лишь по косвенным признакам судить о их когнитивных способностях, в том числе о памяти. Но, судя по всему, эпизодическая память другим живым существам недоступна либо они не обладают способностью связывания этих воспоминаний в единую жизненную историю. Обостренное чувство времени, присущее человеку, осознание конечности своего бытия, стимулирует потребность в создании культурных объектов, которые будут хранить память о настоящем для грядущих поколений.

Таким образом, полагая, что именно способность к творению культуры является главной чертой, отличающей человека от других живых существ, необходимо понимать, что эта способность не могла бы получить развитие без особого устройства человеческой памяти как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Даже создание артефактов для решения практических задач не имело бы смысла, если бы умение их изготавливать и использовать не передавалось бы в коллективе, что также было бы невозможно, если бы человеческая память была устроена иным образом.

Внешние расширения памяти

Биологическая память человека тем не менее имеет свои ограничения. Ее объем ограничен, а воспоминания имеют тенденцию со временем «блекнуть» или вовсе исчезать. По мнению нейробиологов, исследующих механизмы памяти с точки зрения работы мозга, воспоминания на самом деле не исчезают полностью, но становятся неактивными. Как это описывает нейробиолог О. Е. Сварник, «если мы представим, что любой приобретенный опыт — это формирование какой-то нейронной группы, которая теперь с ним связана, то получается, что вернуться к этому опыту — значит активировать эту группу. Если мы наслаиваем всё больше и больше других нейронных групп, уходя в нашем опыте от той первоначальной группы, то получается, что мы не можем к ней вернуться за счет того, что там уже есть другие наслаивания и ветви этого «дерева опыта» изрядно разрослись»¹. В ряде случаев у нас есть возможность активировать нейронную группу, связанную с определенным воспоминанием, в каких-то случаях это оказывается сложным. Но так и или иначе, как правило, наши воспоминания не исчезают из биологической памяти, просто доступ к ним может оказаться более сложным.

¹ Мозг помнит все? Беседа с нейробиологом Ольгой Сварник // Портал «Научная Россия». URL: <https://scientificrussia.ru/articles/mozg-pomnit-vsyo-beseda-s-nejrofiziologom-olgoj-svarnik>.

Ограничения, которыми обладает биологическая память, заставляют человека использовать внешние вспомогательные ресурсы для расширения ее возможностей. Подобные «расширения» человек начинает использовать с самых древних времен. К примеру, мы можем использовать крайне простые мнемонические приемы, такие как «узелок на память», который завязывали на платке, для того чтобы при взгляде на него определенное воспоминание активизировалось — узелок должен был напомнить о том, что необходимо напрячь память и вспомнить, что ты кому-то что-то должен или что необходимо что-то сделать (такие формы запоминания существовали, вероятно, уже в дописьменных культурах). Письменность — еще одна (важнейшая в истории человеческой культуры) форма расширения памяти: записывая что-то, мы «доверяем» важную для нас информацию более надежному источнику, чем наша голова — бумаге, папирусу, глиняной табличке и т. д. Так я не только создаю «резервную копию» фрагмента своей памяти, но и могу передать доступ к ней другому человеку. Позже появляются более «точные» инструменты фиксации определенных событий — это фотографии, видеозаписи т. п., которые непосредственно запечатлевают определенные моменты нашей жизни.

Помимо подобных специально используемых «инструментов» для напоминания, память может активизироваться (в том числе спонтанно) с помощью иных окружающих нас предметов, изначально не предназначенных для хранения памяти (например, старая чайная чашка — напомнить об ушедшем из жизни родственнике, который любил пить из нее чай). Подобные объекты социолог и социальный психолог Ш. Тёркл предлагает называть «пробуждающими память» (evocative objects) [21], а Р. Хеерсминк предлагает включать в данное понятие не только конкретные объекты, но и любые феномены окружающего мира, которые могут становиться триггерами воспоминаний [13] (например, определенная погода может мне напомнить о каком-то месте, которое я посещал в прошлом, и т. д.). Таким образом, память можно понимать как распределенную между непосредственным биологическим носителем памяти и внешними объектами, которые могут пробуждать воспоминания, а также между «партнерами по памяти» [13] — теми людьми, с кем мы можем разделять воспоминания об определенных событиях. При этом опора на «пробуждающие память объекты», по мнению Хеерсминка, используется только людьми, ни одно животное не использует объекты внешней среды для активации воспоминаний [12].

Подобное «расширенное» представление о памяти, в котором память выходит за пределы головы человека, становится особенно актуальным в современной ситуации, когда память подвергается вызову со стороны огромных объемов информации, с которыми постоянно вынужден взаимодействовать современный человек.

Цифровизация памяти

В условиях современного технологического развития понятие памяти все чаще употребляется не в биологическом или психологическом, а техническом дискурсе. Носители этой технической памяти — являются одними из самых активно эволюционировавших технических устройств за последние десятилетия. Максимально большой объем памяти при минимальном физическом размере — главное достоинство любого современного мобильного цифрового устройства. Эту память можно заполнить не только разнообразными полезными или развлекательными программами, которые занимают наш досуг или расширяют наши когнитивные возможности, но и фотографиями, видео- и аудиозаписями, фиксирующими моменты нашей жизни. Существуют технологии lifelogging — записи с помощью специальных устройств и приложений на смартфоне каждого мгновения вашей жизни [10; 15] — видео фиксирует то, что происходит вокруг вас, аудио записывает все ваши беседы с другими людьми, GPS фиксирует ваше местоположение в каждый момент времени, «умные часы» фиксируют ваш пульс, давление, количество часов сна и т. д. Настолько детально «запоминать» каждое мгновение своей жизни мы не способны. Таким образом, «техническая» память дополняет биологическую память человека. С развитием системы телекоммуникаций эта «память» не только сохраняется в наших персональных цифровых устройствах, но и может стать доступна другим людям, когда мы размещаем свои фотографии или сообщения в социальных сетях. Помимо этого, мы оставляем свои «цифровые следы» на различных интернет-площадках в виде персональных данных, публичных и частных онлайн-переписок, на записях камер видеонаблюдения, сейчас размещенных почти повсеместно и т. д. — и эти данные могут быть доступны посторонним людям, поскольку они хранятся (пусть и в зашифрованном виде) во внешних цифровых хранилищах. Наша жизнь теперь может быть представлена в виде множества цифровых «событий», но, в отличие от избирательной биологической памяти, в которой, благодаря фокусу нашего внимания, эмоциональной окраске событий

и т. д. происходит определенный отбор значимых для нашей личности событий и отбрасывание второстепенных, цифровая память «запоминает» все. Это не всегда полезно, поскольку в ряде ситуаций при столкновении с зафиксированными техникой «цифровыми» воспоминаниями, которые не вписываются в уже сложившийся нарратив нашей личностной идентичности, основанный на биологической памяти, может возникнуть психологический конфликт.

Наша семантическая память в современных обстоятельствах также сильно видоизменяется. Мы привыкаем к наличию постоянного доступа практически к любой информации, и нам не нужно уже держать в голове, заучивать наизусть большие объемы данных, поскольку это будет попросту непрактично. Объем нашей памяти ограничен, и нет смысла зубрить, к примеру, таблицу Менделеева со всеми показателями элементов, когда мы в любой момент можем посмотреть в нее. Поскольку человеку свойственно стремиться минимизировать затрачиваемые усилия на выполнение любой задачи, и наш мозг пытается максимально эффективно распределять свои ресурсы, никто не будет тратить их на запоминание того, к чему имеется постоянный доступ, тем более что объемы этой доступной информации огромны и превышают во много раз человеческие возможности к запоминанию и хранению памяти. «Экстернализация» памяти, передача функции запоминающего «агента» внешним предметам — бумаге, фотопленке, цифровому устройству одновременно расширяет наши возможности и трансформирует то, как работает наша память. Мы перестаем прилагать усилия для запоминания, когда у нас есть техническое подспорье — например, если мы слушаем лекцию и ведем ее аудиозапись, мы уделяем меньше внимания лекции, потому что знаем, что сможем ее переслушать при необходимости. Так, одно известное исследование показало, что если одних испытуемых попросить запомнить информацию и предупредить, что она не будет более доступна онлайн, а другим испытуемым сказать, что информация останется доступной, то вторые запомнят информацию намного хуже — поскольку они будут прилагать меньше усилий для ее запоминания — исследователи назвали это явление «Google-эффектом» [20]. В другом исследовании испытуемые были поделены на две группы — одна группа должна была фотографировать в музее определенные экспонаты, а другая — только смотреть на них. Исследование показало, что вторые значительно лучше запомнили детали экспонатов по сравнению с «фотографами» [14].

Мы пытаемся «оптимизировать» использование нашей памяти с помощью делегирования ее фрагментов техническим устройствам, и это делегирование имеет две стороны. С одной стороны, мы, казалось бы, высвобождаем свои когнитивные ресурсы для решения более творческих задач, а не просто хранения большого количества информации, передавая функцию хранилища внешним объектам или устройствам. С другой стороны — мы утрачиваем определенные навыки работы с информацией, в частности — навыки глубинного поиска информации (получение новой информации дается нам слишком легко) [1], требующего творческих решений. Информация перестает представлять для нас ценность, поскольку она легко доступна, следовательно — обесцениваются и «атрофируются» навыки ее добычи.

Заключение

Во взаимоотношении человека и цифровых информационных ресурсов отсутствует одно важное звено. Казалось бы — Интернет, к примеру, дает доступ не только к огромному количеству информационного «мусора», но и к великим произведениям мировой культуры, к последним достижениям науки и т. д. Отсутствующее звено — это проводник по информационному пространству, который помогает научиться «отделять зерна от плевел». В доцифровую эпоху знакомство с культурой так или иначе осуществлялось через другого человека и с помощью другого человека, понимание культурных достижений происходило в совместном опыте ребенка и взрослого, ученика и учителя. Доступ к информации о культуре ребенок получал постепенно и последовательно, усваивая не только информацию в чистом виде, но и отношения между различными элементами системы знаний и системы культуры. Сейчас же человеку, очень рано получающему доступ к неограниченному объему разных фрагментированных данных, становится все сложнее построить из них целостную картину мира. «Социокод», о котором писал Степин, вытесняется поверхностными и разобщенными «знаниями», полученными из «Википедии» и соцсетей. Парадоксальным образом, избыточность источников информации ведет к снижению качества знаний человека о мире, к его разобщенности с культурным опытом человечества.

«Овнешвление» памяти, ее распределенность не являются сугубо негативным явлением, несмотря на то что ряд современных тенденций, связанных с глобальной цифровизацией, может вызывать поводы для озабоченности [3]. Как мы показали выше — большая часть культуры

является овнешвленной памятью человека, не случайно мы называем множество важных культурных объектов от текстов до монументов *памятниками культуры*. Однако эта внешняя память не будет жить без «живой» памяти человека и без того взаимодействия между людьми, которое обеспечивает трансляцию коллективной памяти. Цифровая память человека, фиксируемая внешними техническими устройствами, не является в полной мере прожитой, прочувствованной — к примеру, lifelog-камера может старательно записать каждое мгновение моего дня, в течение которого я просидел дома, работая за компьютером, так что в моей биологической памяти этот день практически никак не отразился, как и любая другая рутина. Обращение к этой записи может иметь для меня значение разве что при необходимости предъявления алиби, но в остальных случаях она скорее всего будет для меня просто бессмысленной. Также наличие доступа (цифрового или нецифрового) к различным памятникам культуры не имеет значения без «проводника», который научит пониманию этих культурных объектов (так, к примеру, германские варварские племена, вторгшиеся на территорию Римской империи, не сумели вос-

пользоваться большинством из плодов великой цивилизации, не желая «обучаться» взаимодействию с этой культурой).

Цифровая память человека и человечества, несмотря на указанные выше проблемы, не влечет серьезных негативных последствий, но только до той поры, пока из нее не устраняются человек и межчеловеческая коммуникация. «Овнешвленная» память отрывается от человека, становясь независимым источником информации, но, чтобы иметь подлинную значимость, чтобы стать частью личностной идентичности или культуры, она должна быть прожитой в индивидуальном или коллективном опыте: только таким образом возможно функционирование «социокода». Хотя Степин и называет «социокод» надбиологической программой, это не означает, что культура может быть абсолютно оторвана от живого ее носителя. Человек обладает уникальной способностью использовать внешние ресурсы среды для расширения своей памяти, но для того, чтобы эта система работала, из нее нельзя устранять самого человека как живое, чувствующее и думающее существо. Именно тогда, когда происходит подобная элиминация, цифровизация памяти становится проблемой.

Список литературы

1. Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» / Н. С. Автономова, Д. И. Дубровский и др. // *Философия науки и техники*. — 2015. — Т. 20, № 2. — С. 5—49.
2. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. — М.: Мир, 1993. — 318 с.
3. Лекторский, В. А. Трансформации индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации / В. А. Лекторский // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. — 2020. — Т. 11, № 9 (95). — С. 17. — DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840012305-4>
4. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении // Д. Локк. Сочинения : в 3 т. Т. 1. (Философское наследие. Т.93). — М.: Мысль, 1985. — 621 с.
5. Степин, В. С. Культура // *Новая философская энциклопедия* / В. С. Степин. — М.: Мысль, 2001. — С. 341—347.
6. Труфанова, Е. О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы / Е. О. Труфанова // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. — 2019. — № 1. — С. 4—21. — DOI: <https://doi.org/10.17726/philIT.2019.1.16.1>.
7. Труфанова, Е. О. Лицо человека в системе социальных связей / Е. О. Труфанова // *Лицо человека в науке, искусстве и практике*. — М.: Когито-Центр, 2015. — С.487—502.
8. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М.: Академический проект, 2011. — 452 с.
9. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // *Неприкосновенный запас*. — 2005. — Т. 40—41, № 2—3. — С. 8—27.
10. Bell, G. Total recall: how the e-memory revolution will change everything / G. Bell, J. Gemmill. — New York : Dutton, 2009. — 304 p.
11. Grice H. P. Personal Identity / H. P. Grice // *Mind*. — 1941. — № 50. — P. 330—350.
12. Heersmink, R. Extended mind and artificial autobiographical memory // *Mind & Language*. — 2020. — № 1—15. — DOI <https://doi.org/10.1111/mila.12353>
13. Heersmink R. Narrative niche construction: memory ecologies and distributed narrative identities// *Biology & Philosophy*. — 2020. — Vol. 35. — Article 53. — DOI: <https://doi.org/10.1007/s10539-020-09770-2>

14. Henkel L.A. Point-and-Shoot memories: The Influence of Taking Photos on Memory for a Museum Tour / L.A. Henkel // *Psychological Science*. — 2013. — Vol. 25, Iss. 2. — P. 396—402. — DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797613504438>
15. Lupton, D. The quantified self: A sociology of self-tracking / D. Lupton. — Cambridge : Polity Press, 2016. — 240 p.
16. Perry, J. A Dialogue on Personal Identity and Immortality / J. Perry. — Indianapolis, 1978. — 72 p.
17. Reid, T. Essays on the intellectual power of man / T. Reid. — Edinburgh : Bell & Robinson, 1785. — 766 p.
18. Shoemaker, S. Self-Knowledge and Self-Identity / S. Shoemaker. — London : Oxford University Press, 1963. — 264 p.
19. Shoemaker, S. Personal Identity / S. Shoemaker, R. Swinburne. — London : Wiley-Blackwell, 1991. — 168 p.
20. Sparrow, B. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D.M. Wegner // *Science*. — 2011. — Vol. 333, iss. 6043. — P. 776—778. — DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1207745>
21. Evocative objects. Things we think with / ed. S. Turkle. — Cambridge ; London : MIT Press, 2007. — 385 p.
22. Quinton, A. The Soul / A. Quinton // *The Journal of Philosophy*. — 1962. — Vol. 59, no. 15. — P. 393—409.

Сведения об авторе

Труфанова Елена Олеговна — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора теории познания Института философии РАН, Москва, Россия. eltrufanova@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 8 (454).
Philosophy Sciences. Iss. 61. Pp. 30—38.*

Human and human memory in the digital world

E.O. Trufanova

Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia. eltrufanova@gmail.com

It is shown that one of the main special traits that makes human different from other creatures is human memory. The biological memory of human is highly evolved, and since human is a social animal it can be spread among other members of the community. The key role of individual memory as the basis of personal identity is demonstrated, as well as the role of collective memory as “social code” (a term of V.S. Stepin) that preserves and passes on the main cultural achievements, values and accumulated knowledge of one’s social group and humanity overall. The phenomena of “extension” of biological memory with the help of the external objects — from writing to contemporary digital devices is analysed. The conclusion is drawn that digitalization of memory creates new psychological and social challenges. It is shown that problems with the digital memory arise with the elimination of human as living, feeling, and thinking creature from the core of its system.

Keywords: *individual memory, collective memory, personal identity, digital memory, extended memory.*

References

1. Avtonomova N.S., Dubrovsky D.I. et al. Nauka. Tekhnologii. Chelovek. Materialy «kruglogo stola» [Science, Technology and Human. “Round table” discussion papers], *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2015, vol. 20, no. 2, pp. 5—49. (In Russ.).
2. Dawkins R. *Egoistichnyi gen* [The Selfish Gene]. Moscow, Mir, 1993. 318 p. (In Russ.).
3. Lektorskii V.A. Transformatsii individual’noi i kollektivnoi pamyati v kontekste global’noi tsifrovizatsii [Transformation of Individual and Collective Memory in the Context of Digitalization], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational journal “History”], 2020, vol. 11, no. 9 (95), pp. 17. (In Russ.).
4. Locke J. Opyt o chelovecheskom razumenii [Experience of human understanding]. *Sochineniya: v 3 t. T. 1* [Works: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl’, 1985. 621 p. (In Russ.).

5. Stepin V.S. Kul'tura [Culture]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Mysl', 2001. Pp. 341—347. (In Russ.).
6. Trufanova E.O. Informatsionnoe perenasyshchenie: klyuchevye problemy [Information oversaturation: key problems]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva* [Philosophical problems of information technologies and cyberspace], 2019, no. 1, pp. 4—21. (In Russ.).
7. Trufanova E.O. Litso cheloveka v sisteme sotsial'nykh svyazei [A human face in the system of social interactions]. *Litso cheloveka v nauke, iskusstve i praktike* [A human face in science, art and practice]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2015. Pp. 487—502. (In Russ.).
8. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2011. 452 p. (In Russ.).
9. Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency reserve], 2005, vol. 40—41, no. 2—3, pp. 8—27. (In Russ.).
10. Bell G., Gemell J. *Total recall: how the e-memory revolution will change everything*. New York, Dutton, 2009. 304 p.
11. Grice H.P. Personal Identity. *Mind*, 1941, no. 50, pp. 330—350.
12. Heersmink R. Extended mind and artificial autobiographical memory. *Mind & Language*, 2020, pp. 1—15.
13. Heersmink R. Narrative niche construction: memory ecologies and distributed narrative identities. *Biology & Philosophy*, 2020, vol. 35, article 53.
14. Henkel L.A. Point-and-Shoot memories: The Influence of Taking Photos on Memory for a Museum Tour. *Psychological Science*, 2013, vol. 25, iss. 2, pp. 396—402.
15. Lupton D. *The quantified self: A sociology of self-tracking*. Cambridge, Polity Press, 2016. 240 p.
16. Perry J. *A Dialogue on Personal Identity and Immortality*. Indianapolis, 1978. 72 p.
17. Reid T. *Essays on the intellectual power of man*. Edinburgh, Bell & Robinson, 1785. 766 p.
18. Shoemaker S. *Self-Knowledge and Self-Identity*. London, Oxford University Press, 1963. 264 p.
19. Shoemaker S., Swinburne R. *Personal Identity*. London, Wiley-Blackwell, 1991. 168 p.
20. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips. *Science*, 2011, vol. 333, iss. 6043, pp. 776—778.
21. Turkle S. (ed.). *Evocative objects. Things we think with*. Cambridge, London, MIT Press, 2007. 385 p.
22. Quinton A. (1962) The Soul, *The Journal of Philosophy*, vol.59, no.15, pp. 393—409.